

ЕЩЕ РАЗ ОБ ИРОНИИ ИСТОРИИ

Безусловно, величайшим драматургом жизни человеческой является сама мировая история. В истории присутствует как возвышенное, так и низменное, как прекрасное, так и безобразное, как трагическое, так и комическое (см. 2). Многие выдающиеся мыслители обращали внимание на иронические аспекты исторического процесса (так называемая «объективная ирония»). Так, Г. Гегель называет «всеобщей мировой иронией» ситуацию, при которой выявляется внутреннее разрушение того, что непосредственно принималось за истинное [1. – Т.4, с. 182-183], а также при которой то, что является субстанциальным, нравственным и истинным, обнаруживает себя в отдельном лице как ничтожное и жалкое [1 – Т.1, с. 73]. Ф. Энгельс считает ироничной ситуацию, при которой революция не оправдывает надежд революционеров [7, с. 263].

Ирония обычно определяется как выражение насмешки посредством иносказания. Как правило, подчеркивается двойственность иронии, построенной на игре прямого, буквального и скрытого, обратного смысла. Ирония строится на контрасте видимого и скрытого, когда за явной похвалой скрываются доступные для прочтения отрицание и насмешка. Ирония имеет место тогда, когда то, что выглядит серьезным, возвышенным, величественным, грозным и даже устрашающим, на поверку оказывается смешным, низменным, ничтожным, слабым и беспомощным. Причём, эта ничтожность может быть сознательно скрыта в величественном, а затем неожиданно раскрыта за его фасадом, – тогда мы имеем так называемую «субъективную иронию». Может быть и так, что ничтожность скрыта в величественном, но до поры до времени никто не видит её, и лишь сам ход событий внезапно раскрывает ничтожность того, что казалось величественным, – тогда мы имеем «объективную иронию».

Исходя из сказанного, можно, на наш взгляд, выделить три вида исторической иронии: 1) иронию историков; 2) иронию исторических деятелей; 3) иронию самой истории.

Ирония историков есть иронический взгляд того или иного историка на те или иные описываемые им события, факты, индивидуальные особенности исторических деятелей. Образец такой иронии находим у Фукидида, когда он анализирует изменения в морально-психологическом облике своих современников, произошедшие под влиянием войны: «Изменилось даже привычное значение слов в оценке человеческих действий. Безрассудная отвага, например, считалась храбростью, ... благоразумная осмотрительность – замаскированной трусостью, умеренность – личиной малодушия, всестороннее обсуждение – совершенной бездеятельностью. ... Хвалили тех, кто мог заранее предупредить доносом задуманную против него интригу или подталкивал на это других, даже не помышлявших о подобных действиях. ... Действительно, у главарей обеих городских партий на устах красивые слова: «равноправие для всех» или «умеренная аристократия». Они утверждают, что борются за благо государства, в действительности же ведут лишь борьбу между собой за господство». [6, с. 197-199].

Зачастую ироничен Светоний, описывая своих героев: см., например, эпизод с Домицианом, ловящим мух и протыкающим их грифелем для письма. Нередко ироничен Т. Карлейль, причем, в описании как роялистов, так и революционеров: см. эпизод, когда царедворец де Брезе во время траурной церемонии по случаю смерти дофина объявляет мертвому телу: «Монсеньор, депутация Генеральных штатов!» [3, с. 110]. Ср. с этим описанием Робеспьера с постоянным эпитетом «зелёный». Между прочим, распределение иронии в произведении историка является очень хорошим показателем его отношения к описываемым им деятелям. Так, Карлейль нигде не позволяет себе иронии по отношению к Мирабо или Дантону.

Ирония исторических деятелей есть детали поведения исторических деятелей, демонстрирующие их ироническое отношение чаще всего к противникам, но иногда также – к соратникам, союзникам и просто к окружающим. Ирония по отношению к соратникам и союзникам часто оказывается знаком перевода их в разряд жертв.

Юлий Цезарь, судя по всему, был весьма ироничным человеком, что видно из многих деталей его поведения, начиная с предложения пиратам увеличить выкуп за его голову, и заканчивая маскарадом со Сципионом Саллутиюном. Узнав, что занявшие Африку помпеянцы Катон и Сципион полагаются на старинный оракул, предрекавший, что роду Сципионов всегда суждено побеждать в Африке, Цезарь в каждом сражении отводил почетное место «во главе» войска одному опустившемуся отпрыску фамилии Сципионов, служившему в его армии [5, с. 478-479].

Блестящую иронию демонстрирует Янь Вышатич во время своего «богословского» спора с волхвами. «Так что там предвещают ваши боги о вашей судьбе?» – спрашивает воевода, делая знак дружинникам. Можно представить себе лицо Яня в тот момент, когда волхвы говорят ему: «Стати нам перед Святославом, а ти нам не можеш зроби ти нічого» [4, с. 110].

Можно сказать, что ирония княжеского воеводы слишком зловеща. Но это еще цветочки. Многие деспоты демонстрировали гораздо более высокие образцы чёрного юмора. Возьмём известного героя «Тысячи и одной ночи», славившегося своей справедливостью, милосердием и любовью к бедным, – халифа Гарун аль Рашида. Выдав родную сестру замуж за своего ближайшего друга Джафара, халиф поставил перед супругами условие: не иметь детей. Но они нарушили условие. Когда у Джафара и Аббасы родился ребёнок, Гарун, казалось, забыл о своём запрете. Он ещё более приблизил к себе Джафара, осыпав его милостями. На пути из Мекки халиф остановился на отдых. Он послал Джафару различные угощения, посоветовав хорошо повеселиться. В течение вечера Гарун трижды посылал угощения своему другу, напоминая о благотворности веселья. В полночь он вызвал слугу и повелел ему отсечь Джафару голову. Таков был Гарун «Справедливый».

Хорошо известно, с каким мастерством разыгрывал Иоанн Грозный покаяния и самобичевания перед бледневшими от страха боярами, прежде чем отправить кого-нибудь из них на плаху. В связи с этим напомним, что в буквальном переводе древнегреческое «ирония» означает «притворство».

Но, пожалуй, вершина ироничности – это поведение Ленина по отношению к германскому генеральному штабу. Ироничный характер вождя мирового пролетариата отмечали многие современники. Думается, знаменитый прищур вождя никогда не был таким ироничным, как во время путешествия в запломбированном вагоне.

Могут сказать: то, что выглядит ироничным, с точки зрения иронизирующего исторического деятеля, оказывается трагичным для тех, над кем он «пошутил». Верно, но это отнюдь не отменяет ироничности «шутника». Ирония не обязательно должна быть искрометной. Пожалуй, она редко бывает таковой. Ирония часто характеризуется такими эпитетами как «едкая», «злая», «горькая»; она вполне может быть «мрачной», «убийственной», «жуткой». Не исключено, что излюбленным жанром истории является трагикомедия.

Ирония истории есть особенности развертывания исторических событий как объективного процесса, обнаруживающие сходство с иронией как художественным приемом.

Мы уже говорили о великом иронисте Юлии Цезаре. Но хорошо иронизирует тот, кто иронизирует последним: и пронзенный кинжалами убийц (среди которых, возможно, и его внебрачный сын), Цезарь падает замертво у подножия статуи Помпея.

С не меньшей жестокостью история иронизирует над другим великим полководцем – Наполеоном. Начиная вторжение в Россию, Наполеон восклицает в воззвании к войску:

«Россия сама стремится к своей гибели, и ее судьба должна свершиться!» И она свершается, но при этом свершается и судьба гордеца. «От великого до смешного один шаг», – пытается парировать Наполеон из своей кареты. Но победа остается за историей: он сам сделал этот шаг, перейдя через Неман.

Иронизирует история и тогда, когда заставляет крупнейшего взяточника Византийской империи Трибониана руководить работой по кодификации римского права; и тогда, когда побуждает Колумба в поисках Индии открыть Новый Свет. Впрочем, на этом ирония истории относительно Испании не заканчивается, а только начинается. Завершив Реконквисту, завоевав обширные колонии, купаясь в потоке золота, изгнав морисков, воюя с еретиками *ad maiorem Dei gloriam*, испанцы всеми этими деяниями обеспечивают себе длительный застой и отставание от передовых наций Европы. Блестящие успехи в конце концов подрывают могущество страны: ветряная мельница, на которой уже не хочет работать Санчо Панса, сбрасывает с коня Дон Кихота.

Подобно испанской, историческая судьба России весьма иронична. Над кем смеетесь, тов. Ленин, глядя из окна plombированного вагона на ухоженные домики мелкой буржуазии? Пройдет менее века, и родственники доблестных победителей германского империализма протянут руку за похлебкой для остарбайтеров, которую будут им наливать потомки некогда поверженных тевтонов. Ну а если судить по судьбе еврейского народа, то Яхве, безусловно, величайший иронист Мироздания.

Могут возразить, что, говоря об иронии истории, автор неоправданно персонифицирует исторический процесс. На самом деле во всех случаях, когда, казалось бы, «субъектом» иронии выступает объективный исторический процесс, на самом деле субъектом иронии выступают исторические деятели, скрывающиеся за кажущейся объективностью исторического процесса. Например, в случае Наполеона иронизирует над ним вовсе не «история», а русский народ, развязавший партизанскую войну против непобедимого до сей поры завоевателя. И так же во всех прочих случаях. Поэтому иронии самой истории не существует, а существует ирония исторических деятелей, которые ведь могут быть не только индивидуальными, но и коллективными.

На это мы возразим следующее. Под иронией исторических деятелей мы подразумеваем сознательно, целенаправленно, со знанием дела осуществляющуюся иронию. Когда Цезарь ставит во главе своих войск марионеточного Сципиона, зная о пророчестве, он вполне сознательно осмеивает неприятеля. Он делает вид, что всерьез относится к пророчеству, на самом же деле он в грош не ставит Сципиона, командующего силами помпеянцев. Ленин едет в plombированном вагоне, держа кукиш в кармане. Он берет германские деньги на революцию, заранее зная, что в случае чего без зазрения совести нарушит любые договоренности с империалистами ради всемирной пролетарской революции. Возможное возмущение империалистов смешно и нелепо в глазах Ленина. И так во всех прочих случаях. Когда же Наполеон вторгается в Россию, никто: ни он, ни Александр, ни даже Кутузов, – не знают, что французы будут выметены из страны меглой народной войны. Сами крестьяне не знают об этом. Партизанская война начинается стихийно. Если и можно сказать, что русское простонародье иронизирует над Наполеоном, то оно иронизирует, так сказать, бессознательно. Именно такую бессознательную иронию мы и называем иронией истории. Сама ситуация, сама цепь событий, сам ход дел складывается таким образом, что гордый завоеватель побеждается лапотниками. Когда вооруженные вилами крепостные охотятся за отощавшими французскими офицерами, они «не ведают, что творят», Цезарь же и Ленин «ведают». Поэтому в случае Наполеона и в подобных случаях «творит» и, следовательно, «иронизирует» сама история.

Именно последняя разновидность иронии и есть ирония истории в узком смысле, *ирония истории как таковая*. Причинами собственно иронии истории являются следующие факторы: 1) противоборство множества исторических сил, невозможность для исторических деятелей рассчитать и предвидеть все факторы исторического процесса; 2)

незнание объективных законов истории, невозможность их полного и адекватного познания; 3) гипотетическое: ирония Провидения. Думается, что если Абсолют есть некая полнота бытия, то в духе катафатики можно приписать ему, разумеется, не в качестве субстанционального, а в качестве акцидентального, такой атрибут, как остроумие. Смеховое начало зачастую проводилось по ведомству Дьявола. Но ход истории столь часто таит в себе столь блестящую иронию, что, если верить в Провидение, следует согласиться, что здесь не обошлось без шуток Господа Бога. Выходит, прав был Вильгельм Баскервильский, полагая, что не был ненавистником смеха Распятый Иисус?

1. Гегель Г.В.В. Эстетика: В 4-х т. – М., 1973.
2. Даренський В.Ю. Специфіка художнього освоєння історії. Автореферат дисс. на здобуття наукового ступеня канд. філос. наук. – К. 2001.
3. Карлейль Т. Французская революция. История. – М., 1991.
4. Літопис руський. – К., 1989.
5. Плутарх. Избранные жизнеописания. Т. 2. – М., 1987.
6. Фукидид. История. – М., 1999.
7. Энгельс Ф. Письмо В.Засулич. от 23.04.1885 // К.Маркс, Ф.Энгельс. Сочинения. – Т. 36. – М., 1963.